

Николай Златовратский

Канун «великого праздника»

Как это было

Николай Златовратский

Канун «великого праздника»

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Канун «великого праздника» / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1911 — (Как это было)

«Когда мы с батюшкой и матушкой вернулись от дедушки, из села, в свой «старый дом», мы скоро почувствовали, что весь наш прежний жизненный обиход быстро стал изменяться. Батюшку нельзя было узнать: он стал веселее и бодрее, но вместе с тем серьезнее и озабоченнее...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Николаевич Златовратский

Канун «великого праздника»

* * *

Когда мы с батюшкой и матушкой вернулись от дедушки, из села, в свой «старый дом», мы скоро почувствовали, что весь наш прежний жизненный обиход быстро стал изменяться. Батюшку нельзя было узнать: он стал веселее и бодрее, но вместе с тем серьезнее и озабоченнее. «Наш ополченец» совсем переселился в город и стал бывать у нас чуть не каждый день. Но для нас, детей, и он стал уже далеко не прежним. Прежних вечеров, с длинными благодушными и неторопливыми беседами и покуриванием «Жукова» в длинные чубуки, уже не повторялось больше, – не стало больше ни севастопольских рассказов, ни «Живописного обозрения», ни вырезывания коньков. Батюшка теперь уже не нянчил больных сестреноч, ходя в халате и валенках вдоль зальца, а ополченец нас не занимал и не замечал, казалось. Но мы теперь не огорчались на это; напротив, мы стали смотреть на батюшку и ополченца отчасти с каким-то тайным страхом, отчасти с благоговением, тем более, вероятно, что нас постоянно гоняли теперь из зальца, куда стали приходить какие-то незнакомые, но важные лица, а батюшка с ополченцем теперь что-то долго по вечерам читали, писали, о чем-то говорили, часто шепотом, наглухо запершись в «кабинете». И вот этот маленький, жалкий, вечно холодный «кабинет» и наше зальце, с дырявыми и покосившимися полами, вдруг стали для нас вместилищем чего-то таинственного, но важного и серьезного. В особенности такое впечатление укрепилось в нас после того, как это зальце и батюшкин кабинет оклеили новыми обоями, перебрали в них пол и поправили рамы, поставили новые стулья и обили новою материей старый наш диван. После этого «важные гости», как называла их Акулина, стали нас навещать еще чаще (это были большею частью помещики и чиновники, всегда только мужчины), а мы с матушкой еще укромнее забирались в спальню и детскую, и только благодаря детскому любопытству мы с сестренкой знакомились с происходившим в нашем зальце через замочные скважины или полуотворенные двери, а иногда батюшка, когда гости расходились, приходил к нам, веселый и оживленный, брал нас на колени, гладил ласково по головам и что-то весело передавал матушке. Матушка грустно улыбалась ему, и часто крестила его, и говорила:

– Ты, Саша, будь поосмотрительнее... Поосторожнее... Боюсь я.

– Да чего ты боишься? – спрашивал, улыбаясь, батюшка.

– Я не знаю... так... сердце болит. Вот зачем к тебе стал ходить этот рыжий попов сын?.. Дедушка говорил, нехороший он человек, и весь род их жадный да вероломный.

– Пустяки, голубушка!.. Это вы, женщины, всегда так... всего боитесь. И меня только смущаешь... А теперь не такое время: ты меня должна поддерживать... А ты вот забереешься в детскую, ну тебе и кажутся всякие страхи... Ты бы вот когда-нибудь к гостям вышла... Что ж, мы не люди, что ли?.. Вот другие – настоящие дамы! А у нас закуску ли подать, или чай – все Акулина.

– Ну, ты уж знаешь, что мы всегда были не так, как другие, – отвечала матушка.

– Ну, отчего же так?.. Чем же мы хуже других?.. Ты вот увидишь... куда мы взлетим!

И батюшка весело и добродушно смеялся и подхватывал сестренку под мышки и поднимал к потолку. Нам и самим всем после того становилось весело. Только матушка грустно улыбалась на нас, а когда батюшка уходил, она становилась на колени перед образом и долго молилась... Тогда нам опять делалось чего-то боязно и жутко, и мы тихонько выбирались на кухню к Акулине.

Но и кухня и сама Акулина теперь тоже были не прежние. С тех пор как матушка сшила Акулине новый сарафан и ярко-розовые рукава и ее заставили подавать гостям чай и закуски, она преисполнилась какой-то особой важности: начала говорить шепотом, с растяжкой и стала нам читать даже нравоучение, как нужно вести себя «господам», когда к ним «важные гости» приезжают. Мы весело смеялись на это, но тем не менее Акулина все больше укреплялась в своей новой роли. И это имело, как оказалось, свои основания и последствия, получившие и для нас особый интерес. Едва только Акулина почуяла, что с нашим «тятенькой» совершилось что-то «важное», как она в скором времени, на первом же базаре, поставила в известность (конечно, шепотом и под большим секретом) об этой «важности» всех своих деревенских родных и знакомых. Что и как она им передавала – это трудно сказать, но только случилось так, что в то время, когда все чаще и чаще стали наполнять наше зальце «важные гости», в кухню к Акулине, робко и крадучись, стали все чаще заходить «неважные гости», к великому нашему детскому удовольствию. И вот наша старая закопченная кухня, так похожая на деревенскую избу, вдруг оживилась, заговорила с нами ласковыми и нежными голосами, как будто к нам сюда, в город, переселилась дедушкина деревня, ездить в которую для нас было всегда таким великим удовольствием.

Но теперь эта «деревня», которая собиралась в кухне Акулины, была до того робкая и смиренная, что нас самих невольно охватывала какая-то необъяснимая робость и, странно, постоянная боязнь, что вот не сегодня-завтра вдруг совершится над этою робкою деревней и над всеми нами, вместе с нею, что-то ужасное, как приговор над пойманными и внезапно уличенными в чем-то преступниками. «Неважные гости» нашей кривой Акулины все являлись больше то в виде богомолок, то каких-то странников и странниц. Завидев нас в кухне, они сначала приходили в недоумение и как будто боялись нас и начинали рассказывать о монастырях и других святых местах, но потом скоро осваивались, гладили нас по головам, угощали нас деревенскими лепешками и начинали шепотом разговаривать между собою, причем оказывалось, что та или другая были солдаты, у которых «неправдой забрили» мужей или сыновей, то какие-то «беглые», которые из своей деревни «ушли уходом», потихоньку, «не спросись», и теперь плакали, вздыхали и говорили, что не знают, «что с ними будет, если их взыщутся...». Все рассказы этих бедных и робких людей были какие-то томительные, тоскливые, медлительные и шепотливые... А потом мы стали замечать, как тот или другой из этих «неважных гостей» вдруг незаметно выскальзывал за дверь, в сени, или уходил на двор, за избу, и здесь долго шептался с Акулиной и что-то передавал ей то из сурового мешка, то из-за пазухи, потом, вместе с Акулиной, крестились, что-то внушительно кивали головой друг другу, и, как ничего не бывало, «гость» затем возвращался в кухню и начинал молча вздыхать и рассказывать о святых местах.

Но так было только вначале; скоро стали являться к Акулине гости другого разбора, уже не такие смиренные и робкие: то были большею частью высокие бородатые мужики в толстых нагольных шубах, в больших валенках, в огромных меховых шапках и кожаных голицах. Приезжали они всегда поздно к вечеру, никогда ничего с нами не говорили и в нашей кухне ночевать не оставались; поговорив о чем-то короткими фразами с Акулиной, они сейчас же уходили опять, но за ними тотчас же скрывалась и Акулина. Иногда при этом она нам говорила:

– Неравно, спаси бог, хватится мамынька, скажите: к землякам, мол, побежала, одною минутой обернется...

Вообще значение Акулины в наших глазах выросло с каждым часом и мы теперь уже не только не смеялись ей в глаза, когда она читала нам нравоучение, а начинали на нее смотреть с таким же почти страхом и почтением, как и на «важных гостей», сидевших в нашем зальце. А Акулина забирала все выше и выше: она уже секретно шепталась о каких-то важных делах не только с своими деревенскими гостями, но и с самим батюшкой. Мы стали замечать, что она часто вызывала батюшку в прихожую (говорить о своих «важных делах» в «чистых» ком-

натах она не решалась), передавала ему завернутые в платок какие-то бумаги и долго о чем-то ему внушительно сообщала. Батюшка, обыкновенно, над нею подсмеивался, но тем не менее бумаги брал и прочитывал их вместе с ополченцем. А Акулина, покончив с батюшкой, тоже украдкой, где-нибудь в углу за печкой, передавала матушке какие-то сверточки, мешочки то с маслом, то с поросенком или курицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.